

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

А.В. Апполонов

Понятие практики и практического в философии Роджера Бэкона

Апполонов Алексей Валентинович – кандидат философских наук, доцент. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: alexeyapp@yandex.ru

В статье рассматриваются основные идеи философии Р. Бэкона (ок. 1220–после 1290) в их связи с представлениями английского мыслителя о целях и задачах отдельных философских и научных дисциплин. Автор показывает, что в центре внимания Бэкона находилось понятие “utilitas” («пользы») и что вся его философия в целом имеет практически ориентированный характер. Все научные дисциплины – от грамматики до «опытной науки» (scientia experimentalis) – должны быть поставлены на службу наиболее «благородной» и притом сугубо практической «моральной философии», которая не просто дает человеку необходимые знания для счастливой жизни в этом мире, но и подводит его к таинствам христианской религии, дарующим вечное блаженство на небесах. Кроме того, с точки зрения автора, Бэкон методологически обосновал прикладную роль некоторых научных дисциплин, которые являются «необходимыми и полезными» для всех остальных. Так, Бэкон обратил внимание на особую роль математики. Из того факта, что только математика, по его мнению, обладает «несомненным доказательством» (demonstratio potissima), основанным на «необходимых причинах», Бэкон делает вывод о необходимости математизации естествознания, предлагая в качестве универсальной модели законы геометрической оптики. Равным образом особую практическую «пользу» Бэкон обнаруживает в «опытной науке», чья задача, по его мнению, заключается в том, чтобы подтверждать теоретические выводы других наук на опытном уровне.

Ключевые слова: Роджер Бэкон, этика, практическое знание, средневековая наука, схоластика, вера и разум, христианская теология

Роджер Бэкон родился в Англии, в благородной и зажиточной семье (вполне возможно, что его предки были норманнами, прибывшими в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем). Достоверно неизвестно, где именно находились владения, принадлежавшие семье английского философа; соответственно, неизвестно и точное место его рождения. Одна традиция утверждает, что он родился в Бисли (Глостершир) и учился в школе при церкви св. Марии в Хэмптоне; другая – что он родом из Илчестра (Сомерсет). Кроме того, имя Роджер встречается среди Бэконов из Норфолка и среди Бэконов из Эссекса.

Точная дата рождения Роджера Бэкона также неизвестна. Единственным свидетельством, которое может помочь нам в ее определении, являются слова самого Бэкона из «Третьего сочинения», написанного около 1267 г.: «Уже минуло сорок лет с тех пор, как я выучил алфавит; я всегда был прилежен в учении; и за исключением двух лет из этих сорока я все время пребывал *in studio*»¹. Ранние биографы Бэкона интерпретировали “*in studio*” как «в университете», а потому, учитывая, что в Средние века юноши поступали в университет обыкновенно в возрасте двенадцати-тринадцати лет, предположили, что годом его рождения является 1212–1214. Впоследствии, однако, эта гипотеза вызвала обоснованные возражения. При данной трактовке слов Бэкона получалось, что он начал свое обучение в университете с изучения алфавита, что выглядит абсурдно. Таким образом, более правдоподобно, что Бэкон имел в виду лишь то, что он начал изучать грамматику за сорок лет до 1267 г. Поскольку же в университетские и приходские школы детей отдавали по достижении ими возраста шести-восьми лет, то наиболее вероятной датой рождения Бэкона можно считать 1219–1221 г. Тем не менее никто не может гарантировать, что Бэкон точно указывал время своего пребывания “*in studio*”, а не округлял цифры в ту или иную сторону. Поэтому вопрос о точной дате рождения английского философа так и останется, судя по всему, нерешенным.

Весьма вероятно, что начальное образование Бэкон получил в одной из школ при Оксфордском университете, а затем поступил и в сам университет. Когда это произошло, не вполне ясно, но сам факт его обучения в Оксфорде сомнений не вызывает. Кроме того, весьма вероятно, что именно в Оксфорде Бэкон получил ученую степень магистра искусств, т. е. магистра философии (хотя нельзя исключить и того, что он только начал обучение в Оксфорде, а завершил его уже в Париже, куда переехал в конце 30-х – начале 40-х гг.). Около 1245 г. Бэкон получил звание *magister actu regens*, действительного профессора, и стал преподавать философию на факультете искусств Парижского университета. В последующие три-четыре года Бэкон активно читал лекции по Аристотелю, основное содержание которых представлено в написанных им в этот же период комментариях к «Метафизике», «Физике», «О возникновении и разрушении», «О животных», «О душе», «О небе и мире», «Об ощущении и ощущаемом» и к псевдоаристотелевским «О причинах» и «О растениях».

Нельзя исключать того, что во время своего пребывания в Париже (или даже еще раньше, в Оксфорде) Бэкон был слушателем лекций по теологии; но, судя по всему, полного теологического образования он так и не получил. Главным свидетельством в пользу этого является тот факт, что среди сочинений Бэкона нет комментария к «Сентенциям» Петра Ломбардского и даже намек на такой комментарий, при том что чтение лекций по «Сентенциям» было необходимым условием для получения докторской степени по теологии.

В Париже Бэкон преподавал недолго. Его научные и философские взгляды радикально расходились со взглядами парижской профессуры. Около 1250 г. Бэкон вернулся в Оксфорд. Насколько нам известно, он больше не преподавал, но продолжал заниматься научной работой. Постепенно Бэкон сблизился с оксфордскими францисканцами (такими, как Адам из Марша (ум. 1258)) и

¹ Bacon R. Opera quaedam hactenus inedita / Ed. J.S. Brewer. L., 1859. P. 65.

около 1257 г. вступил во францисканский орден. Весьма вероятно, что одной из причин, побудивших его принять монашеский постриг, был расчет на то, что орден поддержит его исследования.

В период 1250–1265 гг. Бэкон окончательно сформировался как ученый и мыслитель. Его основные научные интересы постепенно сместились от натурфилософии аристотелевского типа в область естествознания и математических дисциплин, прежде всего – в сферу наиболее передовой на тот момент «науки о свете», геометрической оптики, в которой Бэкон видел своего рода универсальную модель для других наук. В этот период Бэконом были написаны следующие произведения: «Общая математика» (“*Communia mathematica*”, ок. 1258); «О тайных делах природы» (“*De secretis operibus naturae*”, ок. 1260); «Об умножении форм» (“*De multiplicatione specierum*”, ок. 1262); «Оптика» (“*Perspectiva*”, ок. 1263); «О причинах невежества» (“*De causis ignorantiae*”, ок. 1263); «Метафизика» (“*Metaphysica*”) и др. Кроме того, в начале 60-х гг. Бэкон приступил к работе над «Общей физикой» (“*Communia naturalium*”).

В ходе своих исследований Бэкон пришел к выводу о необходимости радикальной реформы всей системы науки и образования. Насколько можно судить, его проект не вызвал энтузиазма у орденского начальства, зато им заинтересовался кардинал Ги Фулька Ле Гро (будущий папа Климент IV). Фулька предложил Бэкону написать специальную работу и изложить в ней свои основные идеи. Этой работой стал самый известный труд английского мыслителя «Большое сочинение» (“*Opus Maius*”). Данный труд представлял собой по большей части компиляцию из предшествующих сочинений Бэкона, включая фрагменты из «Оптики», «Общей физики», «Причин невежества», «Умножения видов» и т. д. Копию «Большого сочинения» Фулька получил около 1265–1266 гг., уже во время своего понтификата. В 1266–1267 гг. Бэкон написал для него еще два трактата, в которых разъяснялись и уточнялись идеи «Большого сочинения», – «Меньшее сочинение» (“*Opus Minus*”) и «Третье сочинение» (“*Opus tertium*”).

Мы не знаем, как принял папа Климент IV присланные ему сочинения: он умер в 1268 г., и реформаторские планы Бэкона потерпели крах. В 1277 или 1278 г. генерал ордена францисканцев Иероним из Асколи осудил учение Бэкона за некие «подозрительные новшества», а его самого приговорил к заключению в монастырской тюрьме (или, возможно, поместил под своего рода домашний арест, запретив при этом заниматься научной работой). В чем конкретно состояли обвинения, предъявленные Бэкону, нам неизвестно. Тем не менее можно отметить, что как в «Большом сочинении», так и в написанном в начале 70-х гг. «Философском компендии» (“*Compendium studii philosophiae*”) Бэкон подверг жесточайшей критике известных парижских теологов и университетскую систему образования в целом. Поэтому вполне вероятно, что приговор, лишивший Бэкона возможности работать, был прямо или косвенно инициирован его влиятельными недоброжелателями. После освобождения (между 1280 и 1290 гг.) Бэкон прожил недолго. Последней его работой стал «Теологический компендиум» (“*Compendium studii theologiae*”, обычно датируемый 1292 г.).

Хотя Бэкон не был, как это утверждает некоторыми его биографами², «первым ученым», опередившим свое время и поэтому пострадавшим от обскурантов-схоластов, его творчество действительно находилось в стороне от

² См.: *Clegg B. The First Scientist: A Life of Roger Bacon*. N. Y., 2003.

магистральных для XIII в. путей развития философии и теологии. Прежде всего, Бэкон стремился к созданию всеобъемлющего учения, которое включало бы все накопленное человечеством знание и было при этом ориентировано на практические цели и задачи. В отличие от большинства средневековых мыслителей, которые видели в науке и философии главным образом теоретическое знание, Бэкон постоянно акцентировал внимание на их *utilitas* (пользе), то есть на их практическом приложении. Однако в этой связи надо заметить, что он, будучи христианским мыслителем, считал, что наука и философия должны быть полезны прежде всего для спасительной миссии католической церкви, а «любое человеческое исследование, если оно не направлено на спасение, совершенно слепо и в итоге приводит во тьму ада»³. Так, по мнению Бэкона, философские (научные) исследования должны способствовать установлению бóльшего совершенства в церковной жизни, созданию подлинного «государства верных» (т. е. христианского государства), обращению неверных и тому, чтобы «упорствующие во зле, могли обуздываться и оттесняться подальше от границ Церкви силой мудрости, а не пролитием христианской крови»⁴. Для Бэкона «вся мудрость, полезная человеку, заключена в Священном Писании, но не полностью разъяснена, и ее разъяснение есть каноническое право и философия»⁵. В свою очередь, «философия есть раскрытие Божественной мудрости посредством учения и искусства»⁶.

Таким образом, смысл грандиозного проекта Бэкона заключался в том, чтобы поставить все философское и научное знание на службу христианской теологии, а его критика в адрес современников-схоластов была обусловлена главным образом тем, что они, по его мнению, будучи пленниками разнообразных заблуждений, препятствовали (прямо или косвенно) реализации этой задачи. В связи с этим выявление данных заблуждений и их причин занимает в творчестве Бэкона значительное место. Причины человеческих заблуждений, по его мнению, делятся на два типа: всеобщие и частные. К первым относятся: 1) доверие сомнительному авторитету; 2) дурная привычка или обычай; 3) следование суждениям толпы; 4) невежество, выдаваемое за всезнание. Последнее наиболее опасно, поскольку является источником других причин. В соответствии с христианской традицией Бэкон относит эти четыре *pestes* (язвы) на счет греховности человеческой природы: «Четыре общие причины всех наших бедствий, поражающие от начала мира всякое сословие, и всякого человека, сколь бы он ни был мудр (помимо Господа нашего Иисуса Христа и Блаженной Девы Марии), хоть раз принуждают отклониться от истинного пути или от высшего совершенства»⁷.

Эти четыре *pestes* порождают частные причины заблуждений, перечисляя которые Бэкон отмежевывается от современной ему схоластической мысли. В число ее «семи грехов»⁸ Бэкон включает следующие: 1) в теологии доминирует философское знание (служанка занимает место госпожи); 2) те науки, которые могли бы быть полезны для теологии, игнорируются; 3) сомнитель-

³ Bacon R. The Opus Majus: In 3 vol. / Ed. J.H. Briges. Vol. 3. Oxford, 1900. P. 36.

⁴ Ibid. Vol. 1. L., 1897. P. 1.

⁵ Bacon R. Opera quaedam hactenus inedita. P. 81.

⁶ Bacon R. The Opus Majus. Vol. 1. P. 65.

⁷ Bacon R. Opera quaedam hactenus inedita. P. 69.

⁸ См.: ibid. P. 322.

ные авторитеты (такие, как Александр Гэльский) пользуются значительным влиянием; 4) в теологическом образовании господствуют «Сентенции» Петра Ломбардского; 5) в переводе Вульгаты имеются грубые ошибки; 6) из которых прорастают ошибки в буквальном и 7) духовном толкованиях Библии.

Среди тех научных дисциплин, которые неоправданно игнорируются схоластикой, Бэкон упоминал прежде всего грамматику, математику и *scientia experimentalis* («опытную науку»). Если говорить о грамматике, то Бэкона интересовали не столько теоретические, сколько практические проблемы, а именно то, как незнание языков (прежде всего греческого, арабского и еврейского) привело схоластов к многочисленным ошибкам и заблуждениям как в сфере теологии, так и в сфере философии (так, например, он отмечал, что в латинских переводах Аристотеля «столько искажений и чудовищных недостатков, что никто не может их понять»⁹). При этом Бэкон указывал, что знание языков необходимо не только для исправления переводов, но и, например, для литургических нужд, для обращения неверных и даже для правильного понимания пророчеств о будущем христианского мира.

Приблизительно то же самое относится и к математике. Бэкон считал, что забвение математики привело к «полному уничтожению образования среди латинян»¹⁰. Однако, как и в случае с грамматикой, речь здесь идет не столько о теории, сколько о практике: по мнению Бэкона, современная ему схоластика игнорирует практическую значимость математических дисциплин, к которым в ту эпоху относили не только арифметику и геометрию, но также астрономию и музыку. Поэтому Бэкон, отождествляя астрономию и астрологию, указывал, что критическое отношение большинства схоластов к астрологии как к некоей нечестивой практике, основанной на допущении строгого детерминизма, совершенно неоправданно. Защищая астрологию от подобных обвинений, Бэкон пытался показать, что она оставляет место для божественного промысла и свободы воли человека при том, что, с другой стороны, ее предсказательные возможности могут быть полезны для теологии и христианской церкви. Сходным образом Бэкон указывал, что знание математики может оказать помощь теологам, например, в определении дат переходящих праздников или в правильном понимании тех мест Писания, где упоминаются числа, геометрические фигуры, музыкальные инструменты и т. д.

Эти и подобные идеи Бэкона, хотя они иногда и выходили за рамки обычных для схоластики XIII в. представлений, едва ли можно считать действительно оригинальными (например, в вопросах, связанных с природой астрологии, Бэкон обычно воспроизводил точку зрения античных и арабоязычных астрологов). Однако некоторые другие идеи английского мыслителя, связанные с приложением принципов математики к естествознанию и другим наукам, были действительно новаторскими и сыграли важную роль в развитии научного знания. По мнению Бэкона, только в математике имеется «несомненное доказательство» (*demonstratio potissima*), основанное на «необходимых причинах»¹¹, тогда как во всех остальных науках неизбежны «сомнения, разномыслия и противоречия»¹²; поэтому «математика совершенно необходима и полезна для

⁹ Bacon R. The Opus Majus. Vol. 3. P. 82.

¹⁰ Ibid. Vol. 1. P. 98.

¹¹ Ibid. P. 106.

¹² Ibid.

других наук»¹³. Бэкон отмечает, что все древние мудрецы «работали в области математики для того, чтобы познать все»¹⁴, а из его современников линкольнский епископ Роберт Гроссетест и францисканец Адам из Марша «благодаря возможностям математики обрели знание о том, как разяснить причины всего и в должной мере истолковать вещи как божественные, так и человеческие»¹⁵.

Упомянув Гроссетеста в числе мыслителей, наиболее плодотворно использовавших возможности математики в различных областях знания, Бэкон дает понять, что многим ему обязан: его собственные идеи об универсальном прикладном характере математики были развитием сходных идей линкольнца. Прежде всего это касается использования законов геометрической оптики в качестве модели для описания любых физических процессов. Согласно Бэкону, физика как наука о природе является учением о естественных деятелях (*agentes*) и их действиях, или эффектах. Деятелями являются все субстанции, а также некоторые акциденции (такие, как тепло, холод, влага, сухость, свет, цвет, запах и т. д.): будучи активными, они производят *species* («виды», или «формы»), которые называются также силами деятеля, его подобиями или образами. *Species* можно описать как своего рода физические или духовные эманации, исходящие от одной вещи к другой. Все процессы и все изменения в природе происходят благодаря действиям *species*, осуществляющимся в соответствии с едиными законами. Поэтому геометрическая оптика, которая изучает законы возникновения, распространения и действия видимых *species* (главным образом света), позволяет объяснить любое природное явление с математической точностью, в линиях, углах и фигурах, и, соответственно, представляет собой универсальную прикладную дисциплину. В общем и целом эта концепция Бэкона была одной из ранних попыток математизации естествознания и сыграла важную роль в дальнейшем продвижении научной мысли в этом направлении.

Бэкон предполагал также, что принципы геометрической оптики можно использовать в теологии. Например, он писал: «Я сравниваю распространение форм (*species*) сообразно геометрическим фигурам с истинами благодати и греха, а также с истинами славы и наказания проклятых, ибо благодать нисходит на совершенных людей прямо, на несовершенных – с преломлением, а от дурных людей отражается»¹⁶.

Что касается «опытной науки», то в ее случае мы также обнаруживаем важные методологические новации Бэкона. В некотором смысле *scientia experimentalis* была создана самими Бэконом, так что нет ничего удивительного в его жалобах на то, что современники практически не знакомы с ней. Обычно английский мыслитель говорил о трех источниках знания: авторитет, умозаключение (аргумент) и опыт (*experientia*, *experimentum*). Авторитет производит не столько знание, сколько веру; вывод умозаключения может оказаться ошибочным; только опыт позволяет достичь несомненной истины. «Аргумент дает заключение и вынуждает нас согласиться с ним, но он не дает твердой уверенности и не устраняет сомнения так, чтобы дух успокоился в созерцании истины (разве что он обнаружит ее опытным путем), ибо многие знают

¹³ Bacon R. The Opus Majus. Vol. 3. P. 108.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Bacon R. Opera quaedam hactenus inedita. P. 227.

нечто благодаря умозаключению, но поскольку они не имеют опыта о таковом, то пренебрегают им, а потому не следуют благу и не избегают зла»¹⁷. Даже в математике, где имеется «несомненное доказательство», опыт все равно играет решающую роль (например, полагает Бэкон, человек будет сомневаться в правильности доказательства теоремы Пифагора, если не ознакомится с соответствующим чертежом).

Хотя идеи Бэкона о роли опыта в получении и подтверждении научного знания были новаторскими для своего времени, его едва ли можно считать создателем современной эмпирической науки. Во-первых, опыт (*experimentum*) Бэкона – это не контролируемый эксперимент, а скорее «испытывание», наблюдение в самом широком смысле слова, причем не обязательно непосредственное и интересубъективное. С одной стороны, Бэкон пишет об обретении опыта при помощи непосредственного чувственного восприятия: «Мы получаем опыты о небесных явлениях посредством изготовленных для этого инструментов, а о явлениях подлунного мира – [наблюдая] эффекты, доступных зрению»¹⁸. С другой стороны, он считает опытом сообщения «проверенных мудрецов»¹⁹; поэтому, отвергая на основании своего личного опыта одни распространенные заблуждения (например, что алмаз можно расколоть, помазав его кровью козла), Бэкон охотно поддерживал другие (например, он пишет, что у всех скифских женщин двойной зрачок и они искусно наводят порчу – поскольку об этом сообщал «проверенный мудрец» Плиний). Кроме того, по мнению Бэкона, чувственный опыт недостаточен, он «не дает полной достоверности относительно телесных вещей вследствие их сложности и не достигает вещей духовных»²⁰. Поэтому «необходимо, чтобы человеческий разум получал и иную помощь; и поэтому святые патриархи и пророки, которые первые дали науки миру... не останавливались на чувственном восприятии, но получали внешние озарения. Ибо благодать веры и божественные вдохновения просвещают многих не только в вещах духовных, но и в вещах телесных и философских науках»²¹.

Бэкон высоко оценивал «опытную науку» и приписывал ей три особых «преимущества», или «прерогативы». Первые две носят главным образом методологический характер: «опытная наука» должна подтверждать теоретические выводы других наук, а также служить их развитию, фиксируя и изучая явления, которые пока не имеют объяснения в рамках общепринятых теорий (или даже вообще не учитываются в них). Что касается третьей прерогативы, то Бэкон описывает ее весьма расплывчато: здесь «опытная наука» выступает как самостоятельная дисциплина, которая «познает будущее, прошлое и настоящее» лучше, чем обычная астрология, занимается созданием разных «удивительных вещей» (вроде вечных источников света) и т. д.²².

Апогеем философской системы Бэкона является моральная философия, которая описывается им как «цель всех прочих [наук], их госпожа и царица»²³. Бэкон понимает моральную философию чрезвычайно широко: это не столько

¹⁷ Bacon R. The Opus Majus. Vol. 2. L., 1897. P. 167.

¹⁸ Ibid. P. 169.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Ibid. P. 215–222.

²³ Bacon R. Opera quaedam hactenus inedita. P. 53.

этика, как философская дисциплина, сколько спасительная мудрость, близкая к христианской теологии; поэтому «только эта (или преимущественно эта) наука имеет дело с теми же [предметами], что и теология»²⁴. Моральная философия «исследует основные действия человека, связанные с добродетелями и пороками, а также со счастьем и несчастьем грядущей жизни... упорядочивает человека по отношению к Богу, ближнему и к себе самому, доказывает [истинность] этого упорядочения, а также действительно побуждает и увлекает нас к нему... повествует о спасении человека благодаря добродетели и об обретении счастья и содействует этому спасению, насколько это возможно для философии»²⁵.

Соответственно, моральная философия включает не только этические нормы, но и теоретические положения, на которых основываются эти нормы. Так, первая часть этой дисциплины занимается тем, что в эпоху Бэкона обычно относили к метафизике (или даже к богооткровенной теологии): проблемой возможности богопознания, доказательствами существования Бога, его всемогущества, бесконечности, единства по сущности и троичности в лицах, а также аргументами в пользу сотворения мира, существования ангелов, божественного провидения, боговоплощения, бессмертия человеческой души, посмертного воздаяния и т. д. То, что Бэкон отнес эти темы к моральной философии, было вызвано, вероятно, его убежденностью в том, что аргументация, традиционно использовавшаяся в теоретических дисциплинах, таких как метафизика, не подходит для их рассмотрения. Сам он предпочитал полагаться в данных вопросах не на логику и строгие доказательства, но на «риторический и поэтический аргументы», которые «наиболее сильны в вещах спасительных, но слабы в чисто теоретических [науках], точно так же, как в чистом знании наиболее действительно демонстративное доказательство, хотя оно совершенно бессильно в [науках] практических и в тех, которые относятся к спасению»²⁶.

Две другие теоретические части моральной философии Бэкона посвящены соответственно политике (в которой английский философ проявляет себя как сторонник одновременно Платона и христианской теократии) и личным добродетелям человека (здесь Бэкон, в отличие от большинства современников, ориентируется не столько на Аристотеля, сколько на Сенеку). Эти теоретические темы Бэкон дополняет рассмотрением чисто практических задач, с которыми имеет дело моральная философия: четвертая ее часть посвящается миссионерской деятельности (убеждению иноверцев в истинности христианства); пятая – проповеди среди верующих (убеждению их в необходимости «любить благо и ненавидеть зло»); шестая – вопросам справедливости при судопроизводстве. В качестве интересного факта можно отметить, что в четвертой части «моральной философии» Бэкон, вероятно, первым из европейских ученых осуществил сравнительный анализ различных религиозных традиций и выявил некоторые общие элементы, характерные для религиозного мышления²⁷.

Резюмируя, можно отметить следующее. Общая установка Бэкона, в соответствии с которой философия и наука должны быть ориентированы на решение практических задач, знаменует собой серьезное отступление от

²⁴ Bacon R. The Opus Majus. Vol. 2. P. 223.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. Vol. 3. P. 82.

²⁷ Подробнее об этом см.: Анполонов А.В. Наука о религии и ее постмодернистские критики. М., 2018. С. 90–96.

доминировавшей еще со времен Античности идеи о более высоком статусе теоретического знания сравнительно с практическим²⁸. Конечно, для Бэкона главным критерием «полезности» той или иной дисциплины была их важность и значимость для «моральной философии» и в конечном счете для укрепления и распространения христианской религии. Однако, с другой стороны, его волновали также и более приземленные практические вопросы, например продление человеческой жизни и улучшение ее качества за счет различных изобретений (вечные светильники, подъемные механизмы, самодвижущиеся повозки и т. д.). Наконец, нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что, рассматривая различные возможности практического приложения теоретического знания, Бэкон методологически обосновал необходимость математизации (геометризации) естествознания.

Список литературы

Апполонов А.В. Наука о религии и ее постмодернистские критики. М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2018. 240 с.

Bacon R. Opera quaedam hactenus inedita / Ed. J.S. Brewer. L.: Longman, 1859. xcix, 610 p.

Bacon R. The Opus Majus: In 3 vol. / Ed. J.H. Briges. L.: Clarendon Press (Vols. 1–2, 1897); Oxford: Williams and Nordgate (Vol. 3, 1900). Vol. 1. clxxxvii, 406 p.; Vol. 2. 568 p.; Vol. 3. xv, 190 p.

Clegg B. The First Scientist: A Life of Roger Bacon. N. Y.: Da Capo Press, 2003. 256 p.

The concept of Practice and Practical in the Philosophy of Roger Bacon

Aleksei V. Appolonov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: alexeyapp@yandex.ru

The article presents the key elements of the philosophy of Roger Bacon (c. 1220 – c. 1290) in their connection with the ideas the English thinker had about the tasks and functions of single philosophical and scientific disciplines. The author shows that Bacon set his focus on the notion of “utilitas” (“utility”), and that whole his philosophy was entirely practically oriented one. For him, all scientific disciplines – from grammar to “experimental science” (scientia experimentalis) – should be put into service of the most “noble” and purely practical “moral philosophy”, which not only provides the person with the knowledge necessary for a happy life in this world, but also leads him to the sacraments of the Christian religion, granting eternal beatitude in heaven. Author adds, that Bacon methodologically justified the applicative role of certain scientific disciplines, which are “necessary and useful” for all others. So, Bacon drew attention to the special role of mathematics. From the fact that only mathematics, as he thinks, has “most potent proof” (demonstratio potissima) based on “necessary causes”, Bacon concludes that it is necessary to mathematize natural sciences and uses the laws of geometrical optics as a universal model. Likewise, Bacon ascribes special “utility” to “experimental science”, whose function, in his opinion, is to validate at an experimental level the theoretical conclusions of other sciences.

²⁸ Здесь достаточно вспомнить слова Аристотеля, сказанные о метафизике («божественной науке»): «Все другие науки более необходимы, нежели она, но лучше – нет ни одной» (Metaph., I, 2. 983a10).

Keywords: Roger Bacon, ethics, practical knowledge, medieval science, scholasticism, faith and reason, Christian theology

References

Appolonov, A.V. *Nauka o religii i ee postpodernistskie kritiki* [The Science of Religion and Its Postmodernist Critics]. Moscow: High School of Economics Publ., 2018. 240 pp. (in Russian)

Bacon, R. *Opera quaedam hactenus inedita*, ed. by J.S. Brewer. London: Longman, 1859. xcix, 610 pp.

Bacon, R. *The Opus Majus*: In 3 vol., ed. by J. H. Briges. London: Clarendon Press (Vols. 1–2, 1897); Oxford: Williams and Nordgate (Vol. 3, 1900). Vol. 1, clxxxvii, 406 pp.; Vol. 2, 568 pp.; Vol. 3, xv, 190 pp.

Clegg, B. *The First Scientist: A Life of Roger Bacon*. New York: Da Capo Press, 2003. 256 pp.